

ВОСТОК

ЖУРНАЛ ЛИТЕРАТУРЫ, НАУКИ И ИСКУССТВА

КНИГА ВТОРАЯ

**«ВСЕМИРНАЯ ЛИТЕРАТУРА»
ГОСУДАРСТВЕННОЕ ИЗДАТЕЛЬСТВО
МОСКВА — 1925 Г. — ПЕТЕРБУРГ**

СРЕДИ МОНГОЛЬСКИХ ПЛЕМЕН

I

Еще в половине XVIII ст. последние независимые монгольские племена потеряли самостоятельное существование и, войдя в состав Российской и Дай-цинской (маньчжурско-китайской) империй сначала в качестве автономных областей, стали затем постепенно терять и эту автономию. Наряду с этим шло медленное, но неуклонное внедрение русской и китайской культур. К началу XX ст. монголы, раскинутые на громадном пространстве часто более или менее изолированными группами, почти утратили сознание в потребности общения между собою. Только в одной области поддерживалось в известной степени их единение, — это в области религии, которая прочно утвердилась у них в однообразной форме преобразованного буддизма (ламаизма). Можно сказать, что по мере замирания национальных политических идеалов, утраты народом старой воинственности, видоизменения традиционных форм общественно-экономического быта, интересы религии все более выступали на первый план и, проникая почти во все проявления жизни, стали как бы олицетворением народных стремлений. Однако и этот фактор таил в себе угрозу: религия несла с собою чуждые язык и культуру — из Тибета, национальная же литература и даже простая грамотность на родном языке стали быстро клониться к упадку. И перед монгольским народом даже с этой стороны начал вырисовываться призрак денационализации...

Но вот, почти неожиданно для всех, картина резко изменилась. Усиление колониционных мероприятий русского правительства среди бурят и китайского среди юго-восточных монголов, боксерское восстание 1900 г., распространившееся из соседних областей Китая на Ю.-В. Монголию, наконец, русско-японская война внесли в однообразную жизнь Монголии будирующий элемент, и достаточно было более серьезного покушения со стороны Китая на монгольские земли в 1911 г., чтобы со стороны бесчисленного, казалось, равнодушного к своей судьбе населения последовал резкий протест. Китайская революция ускорила развитие событий: в ноябре 1911 г. Северная Монголия, объединившись вокруг своего духовного главы, Ургинского хутухты, для защиты своих национальных интересов, провозгласила свою независимость от Пекинского правительства, и вслед затем начались усилия, направленные к объединению вокруг одного центра других монгольских племен. Эта идея с разных сторон встретила к себе сочувственное отношение, и особенно горячо была поддержана населением Барги в С.-З. Маньчжурии, но Южная Монголия, где сосредоточено около $\frac{2}{3}$ всего мон-

тольского народа, предпочла, в виду своей близости к Китаю и многообразным с ним связям, а также отчасти в виду некоторой розни между севером и югом, занять выжидательную позицию. Факт восстановления монгольской государственности вызвал резкие протесты со стороны революционного Китая, и только благодаря энергичной поддержке России был после долгих переговоров санкционирован Кяхтинским договором 1915 г. между Россией и Китаем в Монголии. По этому договору Монголия была признана автономным государством, состоящим под сюзеренитетом Китая и покровительством России, и таким образом перед ней наметился для дальнейшего освобождения тот же путь, по которому шли христианские народности на Балканах. Неблагоприятно разрешился вопрос об объединении монголов: пределы автономного государства были ограничены Северной Монголией, Южная же осталась вне их, и только Барге, по дополнительному соглашению между Россией и Китаем, были предоставлены права автономной области с сохранением в составе Китая.

Монголы довольно энергично принялись за укрепление достигнутых ими результатов: был создан административный аппарат, главным образом, в виде правящего центра в Урге, положено начало государственному хозяйству страны, организованы вооруженные силы, приступлено к проведению различных культурных мероприятий для улучшения быта населения. Во всем этом содействовала Россия в виде посылки своих специалистов и предоставления денежных и технических средств. Наконец был сделан почин и в деле насаждения в стране просвещения. В противовес прежнему конфессиональному и, вообще, буддийскому схоластическому образованию, находившемуся в руках духовенства, имелось в виду содействовать распространению положительных знаний европейской науки при помощи родного монгольского языка, и таким образом область практического применения этого языка значительно расширилась, так как вообще весь административный аппарат стал пользоваться для своих нужд исключительно монгольской письменностью.

Характерно, что к области просвещения России, в лице своих официальных представителей, проявила очень ограниченный интерес, представив монголам почти полностью своим силам. Но содействие в этом деле они встретили со стороны бурятской интеллигенции. И поскольку в деле политического возрождения довольно видную роль сыграли южные монголы, во главе с партизаном Токтохо и политическим выходцем Хайсаном, поскольку в деле насаждения началков государственности в европейском смысле слова содействовали русские специалисты, постольку в области просвещения более всего услуг оказали буряты в лице своего видного деятеля Ц. Жамцарано.

По инициативе последнего, в Урге были устроены, при содействии типографии Р. Академии Наук, две небольших типографии европейского типа с монгольским шрифтом, — одна для нужд монгольского правительства, другая при русском консульстве, и началась довольно оживленная издательская деятельность. Под редакцией Ц. Жамцарано начал выходить, на средства русского дипломатического агентства, общественно-литературно научный сборник «Нинэ-тол» («Новое зеркало»), затем на смену ему возникла общественно-политическая еженедельная газета «Нэйселе хурийену бичик» («Ургинская столичная газета»), литературно-научные же задачи стали осуществляться выпуском отдельных брошюр. Так, были изданы образцы старого, сохранившегося в записях, эпоса: рассказ о 2 бегунцах Чингис-хана, Поучения Чингис-хана его младшим братьям и сыновьям; был составлен и напечатан

ряд популярно-научных брошюр по географии, истории, естествознанию, государственному праву; был переиздан перевод произведения Л. Н. Толстого «Будда». Был начат печатанием сборник законов нового государства. Монгольский язык, благодаря своей предыдущей литературной жизни, оказался достаточно гибким и разработанным, так что мог, без особого затруднения чуждыми заимствованиями, удовлетворить самые разнообразные потребности литературного и административного характера. Без особых затруднений совершалась замена китайско-маньчжурских литературных традиций европейскими через русское посредство.

Вообще, несмотря на все трудности, с которыми по необходимости приходилось столкнуться, дело возрождения монголов начало принимать все более и более реальные формы, и здесь стало намечаться сотрудничество как разных слоев местного населения в лице наиболее выдающихся представителей князей, духовенства и простого народа, так и деятелей из окраинных монгольских племен: бурят, баргу-бурят, харачинов, чахар и др., а равно русских специалистов. Однако, затянувшаяся европейская война, а затем русская революция нарушили правильный ход событий и внесли в жизнь Монголии серьезные осложнения.

Созидательная деятельность почти совершенно приостановилась. В области политических отношений стало усиливаться влияние Китая, который не изменил своего резко враждебного отношения к самой идее монгольской государственности, и, в конце концов, в самом начале 1920 г. китайцы упразднили автономию Монголии, оформив свой односторонний шаг «добровольным отказом» хутухты и его правительства — от оказавшейся якобы для них непосильной задачи осуществления государственных функций.

Однако вновь восстановленное хозяйничанье китайцев было непродолжительно.

Войдя в тесный контакт с представителями властей ДВР и Сибири, монгольская народно-революционная партия, при содействии русских войск, завладела Ургой и объявила о восстановлении монгольской независимости. На этот раз задача оказалась более сложной, так как новые претенденты на власть не только брали на себя защиту национальных монгольских интересов, но и несли в страну революционные идеи, которые пока чужды мировоззрению монголов. При таких условиях новым деятелям, которые были мало известны в стране, пришлось считаться с реальной обстановкой, и в результате: главою государства, хотя только номинальным, остался по-прежнему Ургинский хутухта, на местах была сохранена власть князей; после смещения первого премьер-министра Бодо, одного из основателей народно-революционной партии, во главе правительства стал другой хутухта, Джалхаанда-гэгэи из Западной Монголии. Только исполнительные (но тем не менее полновластные) органы в центре были сформированы из новых элементов, среди которых едва ли не наиболее влиятельное положение заняли буряты. Так сформированный центр предпринял подчинение своему влиянию всей автономной Монголии и, опираясь на реальную силу, в общем достиг своей цели, хотя, повидимому, и здесь процесс укрепления власти и запрещения страны еще не может считаться вполне законченным, и не исключена возможность изолированных выступлений таких лиц, как пресловутый Джа-лама.

Другой успех, который может приписать себе монгольская народно-революционная партия, — это признание возглавляемого ею государства со стороны РСФСР: признание это вылилось в форму особого договора, заключенного летом 1921 г. в Москве на базе полного равноправия. Само-

собою, однако, разумеется, что для того, чтобы получить вполне реальное значение в качестве международного акта, он должен быть дополнен соглашением с Китаем. Последний до сих пор занимает непримиримую позицию, не желая признавать восстановления Монголии. Посредничество в этом деле приняла на себя Россия.

За пределы автономной Монголии власть нового монгольского правительства не распространяется. На этот раз не откликнулась даже Барга. Она за время русской революции лишилась международных гарантий своей внутренней автономии, так как китайцы объявили свое соглашение по этому предмету с Россией утратившим силу, но фактически, повидимому, продолжает пользоваться известной автономией, благодаря продолжающейся в Китае борьбе партий и ослаблению, вследствие этого, централистических стремлений Пекина.

В аналогичном положении находится Южная или, так называемая, Внутренняя Монголия. Не порывая официально связей с Китаем и даже участвуя в его представительных органах, когда они функционируют, южные монголы, повидимому, пользуются в своих внутренних делах широкою самостоятельностью всюду, где они еще составляют большинство населения. Там нет только общего объединяющего центра, и, распадаясь на несколько групп, эти монголы в своих внешних отношениях подчиняются политике соседних, более энергичных китайских администраторов: так, восточные и юго-восточные аймаки, так же как и Барга, связали свою судьбу с политикой полновластного правителя Маньчжурии Чжан-дзо-лина.

О положении остальных изолированных групп зарубежных монголов (Цайдам, Амдо, Харашар, Или, Тарбагатай и Алтайский округ) сведений не имеется. Но судя по их малочисленности едва ли можно ожидать, чтобы они играли сколько-нибудь заметную роль на фоне событий, вызванных китайской революцией.

Вообще же, если за пределами автономной Монголии что-либо и изменилось в жизни стеника-скотовода за последние 5—6 лет, то разве в смысле усиления китайского влияния. Однако, только автономная Монголия, после некоторого перерыва, вновь вступила на путь обособления от этого влияния. Этот путь неразрывно связан с распространением европейской культуры и созданием национальной литературы на родном языке. Во главе этого дела мы снова видим знакомого уже нам идейного работника Ц. Жамцарано. На этот раз он, видимо, поставлен в более благоприятные условия для развития своей деятельности и просветительные планы намечены с большою широтою. Кроме своего департамента народного образования (ранее заведывание делами просвещения составляло одну из функций ведомства иностранных дел), теперь создан ученый комитет (сулур бичиг-ун хурийсен), в задачи которого входят перевод с иностранных языков и составление по-монгольски необходимых для Монголии сочинений, собиране полезных для нее сведений, составление библиотеки из сочинений на монгольском и иностранных языках, собиране памятников старой монгольской литературы, наконец, приведение в известность и охрана памятников древности, имеющих значение для истории Монголии. Во главе департамента состоит бурятский работник просвещения Бату-хан, душою комитета является Ц. Жамцарано.

Результаты соединенной деятельности обоих учреждений уже налицо. В Урге сохранилась монгольская типография; ею пользовались по очереди сменявшие друг друга правители, и, между прочим, в ней печатались воззвания китайских властей к монголам об упразднении монгольской автономии.

Теперь она обслуживает нужды народно-революционного правительства. На-днях в Петрограде получена довольно большая партия изданий, отпечатанных в той типографии для потребностей указанных выше просветительных органов и вообще правительства. Внешний вид их вполне удовлетворительный, часто даже почти изящный. Печатаются издания на тонкой китайской бумаге, почему им и дается форма китайских брошюр: получается новый смешанный тип изданий — европейско-китайский. Содержание пока не отличается особым разнообразием: начиная с бланков для текущих нужд административных учреждений, их положений, правительственных воззваний и агитационных брошюр народно-революционной партии, они кончаются календарем на текущий год и разными учебникам и для начальных школ (арифметика, азбука, учебники естествознания). Возродилась в Урге и периодическая печать. Вслед за водворением там нового правительства начал выходить его еженедельный орган «Ури» («Призыв»); в последнее время его заменил «Хуриягуи сетхул» («Краткий вестник»), дающий последние новости.

Школьная работа, повидимому, налаживается туго. В Урге имеются два средних учебных заведения, из коих одно, коммерческое училище, обслуживает преимущественно нужды местной русской колонии и содержится на частные средства. Правительством учреждаются школы специально для монголов, но добровольного притока учеников нет, в виду чего пришлось прибегнуть к сбору их официальным путем, но на первый призыв отклика также не последовало. Однако начавшиеся к 1912 г. проникновения европейской культуры через русское посредство теперь возобновились. Новые идеи, которые распространяет народно-революционная партия, подвергаются обсуждению и иногда входят в жизнь; можно отметить, например, образование кружка монгольской молодежи по типу, напоминающему наш Союз молодежи. Реагирует на эти идеи и духовенство, но отношение его пока отрицательное, несмотря на то, что новый режим, как упомянуто выше, возглавляется, хотя бы номинально, двумя высокими святителями Монголии. С другой стороны, отметим сделанную в Урге попытку индентификации популярной в стране повести «Та-Сан ламайши туджи». На севере это явление новое, так как до сих пор попытки в общем очень слабые — создания монгольского театра наблюдались только в Южной Монголии под влиянием китайского театра (если не говорить о таких же попытках, оставшихся единичными у бурят и донских калмыков).

II

Обратимся к Монгольским племенам, проживающим в пределах России. — бурятам и калмыкам. Несмотря на существенные различия в условиях их быта, февральская революция принесла им в общем одинаковые результаты: они освободились от царской административной опеки, создали свои органы управления, по окружавшее их русское население, сплотившись, не пользовало наступившее ослабление общероссийского аппарата для более интенсивного расхищения инородческих земель. Калмыки попытались спасти свое достояние переходом в казачество, по примеру своих донских сородичей, но безуспешно. Это лишь раньше вовлекло их в гражданскую войну, начавшуюся после октябрьской революции. Не избежали ее и буряты. Военные действия не раз перекатывались через калмыцкие и бурятские степи, унося много жертв и среди общей массы населения, и непомерно много среди его немногочисленной интеллигенции. Особенно тяжелы

были жертвы, понесенные калмыками; среди них не только производились неоднократно мобилизации, но им приходилось даже перекочевывать всем народом, со всем скарбом, на далекие расстояния. На поле брани калмыки выказывали чудеса храбрости: в них оживли старые боевые традиции. При этих условиях неудивительно, что, судя по официальным данным, погибло не менее четверти всего населения, что их храмы полуразрушены, подорвано благосостояние, что, наконец, они широко ресселились по белу свету. Немногочисленная уделевшая в родных стенах интеллигенция довольно энергично взялась за спасение своего народа под флагом советской власти и в ноябре 1920 г. добилась объединения своих земель в автономную область калмыцкого народа. Пока в состав этой области не вошли донские калмыки, но в последнее время и среди них стало наблюдаться тяготение к соединению со своими родичами.

Буряты также потеряли немало своих видных деятелей, в том числе серьезного писателя М. И. Богданова, но в общем их положение было менее печально; оно лишь осложнилось их особыми отношениями к зарубежной Монголии. Вплоть к последней и сознание своей численной слабости заставляли бурятских общественных деятелей с давних пор мечтать об объединении с монголами, при чем, полагаясь на свою более высокую культурность, они рассчитывали сыграть в этом процессе руководящую роль. В эпоху революции эти стремления приняли столь интенсивную форму, что в 1919 г. по почину бурят образовалось, так называемое, Даурское правительство, которое имело целью содействовать осуществлению указанной идеи. Попытка эта оказалась неудачной и потерпела крах, причинив бурятам лишние жертвы.

Однако самая идея не заглохла и перешла по наследству к упомянутой выше монгольской народно-революционной партии, в которой буряты играют столь видную роль; но на этот раз принципы объединения формально не были выдвинуты. Названная партия сосредоточила свою деятельность в Монголии и, как изложено выше, достигла определенных результатов в смысле упрочения там своей власти. Параллельно с этим, в связи с невгодами, испытанными бурятами у себя на родине, началось почти стихийное движение их в привольные монгольские степи. Даже среди иркутских оседлых бурят мысль о переселении в Монголию находила убежденных сторонников. Местами число переселенцев оказалось столь значительным, что нынешнему монгольскому правительству пришлось вплотную заняться этим делом в целях его упорядочения. Речь идет о постройке целых городских поселений.

На чисто же бурятской почве идея объединения нашла себе выражение в усилиях сплотить в одно целое забайкальских и иркутских бурят, имевших до революции мало общего между собою и довольно сильно разрывшихся степенью культурного развития. Разделение бурятских земель по линии р. Селенги между Р. С. Ф. С. Р. и Д. В. Р. затруднило это объединение, но в пределах той и другой республик буряты получили права автономных областей, которые установили между собою общение на культурной почве. Теперь одновременно со слиянием республик, вероятно, произойдет и соединение бурятских областей.

Приобщившись довольно давно, под русским управлением, к европейской культуре, буряты более рационально использовали свою автономию. Бурятские светские школы с преподаванием на родном языке представляют довольно широко развитую сеть; там имеются все типы школ до учительского института включительно. Для них начато составление целой серии

учебных руководств на бурятском языке. Намечается возникновение нового центра бурятского просвещения в селении Ага, где работает б. лектор Петроградского университета Б. Барадший. Кроме того, в бурятских буддийских монастырях существуют конфессиональные школы очень высокого типа. Издательская деятельность облегчается наличием в некоторых монастырях местных типографий, печатающих книги по китайскому способу (ксилографические издания); привился и европейский способ печатания. Последний способ применяется при издании бурятских газет, которых за время революции появилось несколько, но большею частью имели непродолжительное существование. В 1916—17 г.г. Союз забайкальских кооперативов издавал на бурятском яз. особый листок «Кооперативное Слово», затем при Сибирском правительстве наступило в этом отношении затишье, но с водворением советской власти мы видим бурятские газеты одновременно в Иркутске и в Чите. В первом из этих городов тибетско-монгольская секция Дальневосточного секретариата III Интернационала издавала (литографским способом) сначала газету «Хур» («Речь»), затем — «Монгол-ун унэн» («Монгольская правда»); в Чите сами буряты выпустили несколько номеров «Бурят монгол-ун сэтхиль» («Бурято-Монгольская мысль»). Затем после предоставления бурятам автономии в Чите стал выходить орган Центрального управления Бур.-Мон. Авт. Обл. «Шинэ байдал» («Новая жизнь»).

Если в Забайкальской области господствует монгольско-бурятская письменность и в администрации, и в прессе, и в литературе, то в Иркутской губ., где знания этой письменности до революции почти не существовало, продолжает господствовать русский язык. На этом языке вообще появляются бурятские издания, предназначенные для широкого осведомления. Таковы, напр., брошюры бурятских писателей: «Монголо-буряты и русская революция»; П. Данбиков, «О бурятском самоуправлении» (Верхнеуд., 1920); А. Турунов, «Прошлое бурят-монгольской народности» (Иркутск, 1922). Выходят также исследования русских специалистов, исполненные по поручению бурятских комитетов: проф. В. А. Рязановского, «Обычное право монгольских племен» (Чита, 1921), инж. Тульчинского, «Недра забайкалья» (1919), И. И. Серебrenникова, «Экономическое и статистическое обследование бурятского хозяйства». Уже самые названия этих немногих ставших нам известными изданий свидетельствуют о серьезном характере идушей у бурят культурной работы.

Менее оживленная деятельность наблюдается в автономной области Калмыцкого народа, и она меньше окрашивается в национальный цвет. Калмыцкой интеллигенции осталось чересчур мало, и потому и в администрации, и в школе весьма видную роль играет русский элемент, а вместе с тем и калмыцкому языку приходится уступать первое место русскому.

Еще при Временном правительстве в Астрахани стала выходить на калмыцком языке газета «Ойрадий занги» («Ойратские известия»), но она закрылась в январе 1918 г. на 5 номере, когда там вспыхнула гражданская война и калмыкам пришлось спасаться в степи. Затем издательскую деятельность на калмыцком яз. возобновили в 1920 г. Политотдел калмыцких воинских частей, входивших в состав одной из красных армий южного фронта, с агитационной целью, и здесь главными деятелями явились донские калмыки: школьный учитель и литератор Кануков и Шалжаков. Началось издание в походной типографии газеты «Улап хальмак» («Красный калмык») на калмыцком и русском языках, при чем оба текста шли в перемежку, и калмыцкий текст печатался частью калмыцким алфавитом (без соблюдения каких бы то ни было правил орфографии, а потому мало

вразумительно), частью русским (в транскрипции самого упрощенного типа). Одновременно было выпущено в том же виде довольно большое количество агитационных листовок.

После провозглашения калмыцкой автономии с ноября 1920 г. издание «Красного калмыка» перешло к ЦИК Калмыцкой области, который несколько упорядочил это дело, но сократил два отдельных текста — русский и калмыцкий. Весною 1921 г. этот орган перестал выходить и лишь в начале следующего года возник журнал «Ойратские известия» на одном только русском яз. Пока вышло два выпуска этого журнала, и в них мы находим серьезные работы проф. *Н. Н. Пальмова*, посвященные прошлому калмыков («Очерк истории калмыцкого народа за время его пребывания в пределах в России» и «Документы Калмыцкого Архива» за первый представленный в Архиве 1713 год), а также ряд статей о современном их состоянии или о недавнем прошлом.

Так постепенно калмыцкий язык оказался вытесненным из прессы; об отдельных изданиях на нем также что-то не слышно. Старой интеллигенции, еще децпвшей родную грамоту, почти не осталось, а приходящая ей на смену новая, из советских школ, относится к ней равнодушно, если не отрицательно. В калмыцких сферах, как видно из «Ойратских известий», серьезно обсуждается вопрос о приспособлении к калмыцкому языку русского или латинского алфавита. Это свидетельствует, конечно, о том, что самая калмыцкая речь еще не обнаруживает признаков вырождения или замирания, и только неблагоприятные обстоятельства были причиной тому, что народ, возродив в себе старые боевые традиции, оказался уже не в состоянии выделить достаточно сил для культурной работы на национальной почве.

Монгольский народ зажат как клещами между двумя великими народами: китайским и русским. Оба эти народа находятся в революционном кипении, и национальный вопрос играет в их политике важное значение. Китай относится отрицательно к выделению из его состава широдных частей и конвульсивно пытается удержать Монголию и Тибет, не желающие более жить совместно с ним жизнью. Однако, это не придает Китаю крепости, и внутренние связи в его собственном организме остаются ослабленными. Россия усвоила себе противоположный взгляд, но это не помешало ей сплотиться в одно целое. Монгольский народ одной своей частью вошел в орбиту влияния Китая, другой — России; обе эти части разделены Гобийской пустыней. Какова будет их дальнейшая судьба? Север ли перешагнет через Гоби или, наоборот, юг? Или же обеим частям суждено слиться самостоятельно в одно органическое целое? Гадать не будем. Ограничимся пока констатированием двух фактов: китайская революция, против своей воли, содействовала воплощению в жизнь монгольской государственности; русская — задерживает денационализацию на северном фронте монгольских позиций. И на общем фоне этой картины зарисовалось лишь одно пятно — это обездоленный калмыцкий народ, чересчур далеко оторвавшийся от родных корней.

Вл. Котвич

